

КОРНЕЛИЙ ЗЕЛИНСКИЙ

Подвиг Маредова

ОГКЭ — ГОСЛНТВЭДАТ — 1912

Корней Зелинский

ПОДВИГ МАМЕДОВА

ОГИЗ

Государственное издательство
художественной литературы

Свердловск—1942

Первое сообщение было кратко: 3 декабря на одном из участков Северо-Западного фронта произошел бой с немцами. В нем с нашей стороны участвовал небольшой отряд человек в двадцать, а с немецкой стороны несколько сотен — два батальона. В этом неравном бою советские воины вышли победителями. А один из них, младший лейтенант Исрафуил Мамедов, командир отряда, дрался так вдохновенно, с такой яростью и упорством, непрерывно в течение десяти часов, что один истребил 70 немецких солдат и трех офицеров. Своим боевым порывом он увлекал за собой и своих товарищей. Наконец, еще трех немцев Мамедов поразил врукопашную в штыковой атаке, которой закончился этот беспрецедентный бой. 12 декабря в газетах было напечатано и по радио пронеслась весть о том, что советское правительство присвоило Мамедову звание Героя Советского Союза. Еще вчера не многим известный скромный юноша из далекого Азербайджана стал сразу известен всему миру. Он в один день как бы стал великаном, которого увидели все и о необычайных делах которого заговорили все

люди во всех концах земного шара и на всех языках. В чем же смысл того, что произошло 3 декабря 1941 года на подступах к древнему городу Новгороду? Какой богатырь мог совершить такой легендарный подвиг?

Слава народная шагает широко, и легенды о героях шумят, как море. В сказаниях и эпических поэмах каждый народ наделял своих героев необычайными свойствами. Это всегда были люди-львы, люди-великаны. Они были храбры, мужественны и благородны. Каждый из них мог снести головы сотне врагов; богатыри древности легко переносились через моря и океаны, сокрушали злых духов, освобождали бедняков. Палицы у них были по триста пуд, лук их мог согнуть только владелец, доспехи нести—только могучие плечи его. Быстроногий конь (тулпар—на востоке) нес такого батыра, как ветер, через степь и горы. Да что горы! Стоило дунуть батыру, плечом повести, как и горы расступались.

Таково было древнее племя героев. Как побратимы встали и обнялись любимые герои советских народов: русские Илья Муромец и Святогор-богатырь, грузинские Тариел и Автандил, калмыцкий Джангар, армянские Мгер Старший и Младший, наконец, герои азербайджанского эпоса „Китаб Дедэ-Коркуд“, „Кер-Оглы“ и других народных поэм.

Но разве повымерли те герои, которых так богато украшал народ в своих песнях и по-

этических сказаниях? Или, может быть, эпические сказания народов — лишь простой вымысел, не имеющий исторической почвы под собой? Нет, это не так. Великий азербайджанский поэт Физули (XVI век) говорит, что то слово, которое берет силу из истины становится великаном. Народ подымал на свои плечи героев, и они становились выше и необычайнее в песнях. В поэтических украшениях ашугов и певцов находила себе выход не только сила воображения и художественного творчества, но и потребность народа крупно, во весь рост увидеть себя. Недаром Горький так высоко ценил устное народное творчество, народный эпос, справедливо видя в нем воплощение заветных чаяний и дум народа, воплощение народных сил и возможностей, представление о самом себе. Разве не бессмертен народ? Разве не может он сносить горы, пересекать степи, воздвигать дворцы и беспощадно сокрушать врагов?!

И вот этой безграничной силой народа дохнул на нас подвиг Мамедова. Вот почему Исрафуил Мамедов — это поистине живой герой нового народного эпоса наших дней, эпоса великой Отечественной войны с немецкими захватчиками. О Мамедове, как и о других замечательных героях наших дней, будут сложены песни и поэмы. Его подвиг поражает воображение и является как бы готовым поэтическим материалом. Легко и как равный

входит Мамедов в галерею великих богатырей древности. И недаром один современный поэт (М. Матусовский) так начинает свою поэму о Мамедове:

Он—птенец из выводков орлиных.
Он—один из тех богатырей,
Что воспела русская былина,
Стих ашугов, думы кобзарей.

Пройдут годы и десятилетия, и для будущих поколений образ Мамедова, возможно, также предстанет лишь в поэтической дымке, где будет трудно установить истинные пропорции совершенного. Но для нас, современников, все это свежо, все перед глазами, не переставая от этого быть менее поэтическим. О нем хочется сказать словами Пушкина: „Отселе я вижу потоков рожденье“. Перед нами исток легенд будущего.

В подвиге Мамедова, как и в нем самом, есть обыденное, роднящее его с каждым советским человеком, есть и необычайное, что ставит его выше над другими. Обыденное в Мамедове—его природа, природа нового советского человека. В то же время эта природа и не совсем обычная, если брать ее в сравнении с другими странами или нашим прошлым. Раньше герой был явлением скорее исключительным, выражением счастливой наделенности человека свойствами необычайного личного мужества, самоотверженности,

преданности делу, Родине. Герой стоял над толпой и как бы еще резче подчеркивал ее косное прозябание. Советский герой—рядовой советского народа. Годы борьбы за социализм воспитали в народе, развили в нем черты, ранее свойственные лишь его лучшим представителям. Героическое, ставшее обыденным, вошедшее в плоть и кровь народа, в его быт—вот то новое, что является почвой, на которой рождаются Мамедовы. Социализм, дело Ленина и Сталина, возвращает эпос народу, возвращает народ к самому себе, к его собственной героической природе, которую уже поэтому—как привычное—перестают замечать. Вот почему советские люди, совершившие героические поступки, порой с неловким чувством воспринимают похвалы и восхищение, которыми мы окружаем их: „Что же тут особенного, разве это не наш долг?“

Жизнь Мамедова — это жизнь рядового советского юноши. Просто и естественно поднимался он по той лестнице — школа, комсомол, армия, — по которой тысячи и миллионы людей у нас поднимаются к знанию, культуре, своему жизненному поприщу. Правда, чтобы построить эту лестницу социализма, понадобились десятилетия упорной подпольной борьбы партии большевиков в годы царизма, понадобилась вся жизнь и труд таких гениев человечества, как Ленин и Сталин.

Исрафуил Магорилович Мамедов родился

в 1919 году, в селении Капаклы, в семье бедняка-крестьянина. Когда вы едете по железной дороге из Тбилиси в Баку, то, вступая в пределы Азербайджанской республики, вы скоро попадаете в одно из древнейших поселений человечества. Два тысячелетия с лишком здесь живет азербайджанский народ. Он отстоял эту землю еще от персидских шахов, от набегов соседей, взял от помещиков и кулаков, возделал и украсил ее. Живые изгороди из роз, белые хлопковые поля проносятся мимо вашего вагона. Вот начинаются горы, которые тянутся на горизонте. Бурные реки сбегают с них, струясь и рыча на камнях. Вот Шамхор, который бежит в Курв. Здесь все дышит трудом под благолатным солнцем полудня, здесь заботливо обработан каждый уголок земли, здесь в долинах раскинулись саки среди тенистых садов. Склоны гор увиты тяжелым виноградом. Шамхор — родина прославленного шамхорского вина.

В долине Шамхора родился и вырос Мамедов. В маленьком городке Шамхор, залитом ослепительным солнцем, он бегал в школу. Смешливый, живой мальчик, он с детства привык уважать труд. Он мечтал быть агрономом и придумать такие машины, которые бы освободили его родителей, его соседей-колхозников, всех трудящихся людей от тяжелой работы. Пусть человек, подобно орлу, озирает землю.

По окончании школы Исрафупл едет учиться в Кировабад. Это недалеко. В Сельскохозяйственный институт, в который старики-колхозники и правления колхозов так охотно направляют своих питомцев. Конечно, Мамедов выбирает себе инженерно-строительное отделение. Но вскоре подходит призыв, и в 1939 году Мамедов идет в Красную Армию. Многое можно было бы написать об этом периоде жизни Мамедова. И во многих смыслах служба в Красной Армии явилась для него откровением, школой, о какой он мог только мечтать. Прежде всего она ввела его в круг новых понятий, познакомила с множеством новых людей, показала ему новые места. В армии Мамедов учится с увлечением и интересом. Попрежнему его тянет к машинам, механизмам. Он делается артиллеристом. Становится лучшим наводчиком. Молодой орленок, статный, ладно сложенный, ясно глядящий вперед. Естественно, что Мамедов вступает в комсомол. Невольно вспоминаются сталинские слова, что ясность цели, твердость характера, настойчивость в проведении задуманного характеризуют настоящих советских людей.

Вероятно, эти качества отлично бы послужили Мамедову в жизни и проявились в его мирной трудовой деятельности инженера-строителя. Но пришла война, которая создает исключительные обстоятельства. И эти

качества, воспитанные в Мамедове всем советским строем, вспыхнули с особенной силой, когда обстановка потребовала их проявления.

Но расскажем о его подвиге подробнее.

Предательское нападение немцев на нашу Родину и начавшаяся затем война застали Мамедова еще в армии. Часть, к которой принадлежал Мамедов, оказалась на Северо-Западном фронте. После периода отступления, вызванного неожиданностью немецкого нападения, воинская часть остановилась не вдалеке от Новгорода, возле озера Ильмень. Рота, которой командовал старший лейтенант Смолин и к которой принадлежал Мамедов, заняла рубеж обороны за деревней Пустынькой. Место и в самом деле пустынное, неприветливое. Как непохоже на солнечную родину Мамедова! Леса, болота, кусты... Вот зеленая приветливая полянка. Но не спешите на нее вступить. Это чаруса. Ее зелень обманчива. Под ней непроходимая топь, которая может поглотить и машину и человека.

Командование умело использовало все эти особенности местности. Перехватив дороги, оно построило блиндажи таким образом, что подступиться к ним не было никакой возможности. Связь с полком поддерживалась через радио. До ближайшего расположения красных частей было почти девять километров.

Рота Смолина жила своей уединенной жизнью. Много ночей провел Мамедов в секретах, заставах, прислушиваясь в сырой мгле к выстрелам, хлюпанью болота, к ночной, таинственной жизни северного леса. Напряженно шла жизнь отряда. Бойцы не теряли ни одного часа, укрепляя свою оборону.

— Учитывая вероятность обхода, — рассказывал потом Мамедов, — мы организовали оборону так, чтобы с любой стороны можно было бы встретить врага уничтожающим огнем. Бойцы каждого окна имели круговой обстрел с измеренным расстоянием до ориентиров. Каждый составил стрелковую карту. Роту охраняли надежные посты, секреты, заставы, готовые предупредить о грозящей опасности.

Немцы подсылали отдельные группы разведчиков, подползавших по болоту на лыжах, лежа на брюхе. Но наши бойцы всегда вовремя загоняли в болото этих гитлеровских гадюк. Бывали дни, когда немцы остервенело начинали садить по нашим блиндажам из артиллерии и минометов. Но блиндажи надежно укрывали советских бойцов. Прямые же попадания были редки. Мы не подпускали их разведку. Это были полтора месяца неустанной, напряженной войны не на живот, а на смерть, войны хитростей, подползаний, внезапных налетов, войны на изнурение. Немцы

тоже зарылись в землю, расставили оружийные расчеты. Их бесило то, что небольшой (они знали это) советский отряд сдерживает целую воинскую часть. А рота Смолина продолжала регулярно говорить по радио с командованием, отправлять донесения, жить своей походной жизнью, готовить обед, выбивать врага во всякое время дня и ночи.

Бойцы сдружились друг с другом за полтора месяца, крепко узнали друг друга. Мамедов попрежнему искал всякого случая узнать что-либо новое в сложном механизме войны. Он подолгу возился с автоматом, присматривался к радио, учился дальше артиллерийскому и минометному делу. Бойцы любили своего смелого и пытливого товарища. А командование давно уже оценило его боевые качества. Сначала комсомолец Мамедов стал сержантом, потом старшим сержантом, а 2 декабря произведен в младшие лейтенанты. Назначен помощником командира роты. Здесь же под огнем на фронте Мамедов написал заявление о принятии его в партию большевиков.

Кончалась осень, наступали первые заморозки. Темнее становились ночи. Все холоднее было дежурить Мамедову в секретах. Он вспоминал свой далекий юг, солнце, виноград и представлял, как его мать, как его друзья идут сейчас по пыльной, горячей дороге, как

курится дым из сакли, как медленно бредет к водопою стадо волов.

Почему, на каком основании вот эта гитлеровская сволочь, которая залегла зверем где-то там за кустами и лесом, почему она лишила меня и всех нас родных очагов? Что надо этому зверю на нашей земле? Топтать, грабить, жечь? Они — эти двуногие животные — еще смеют презирать нас, выставлять себя еще „высшей расой“. Да кто они такие? И ярость, беспредельная ненависть к немецкому гитлерю начинала бить волной в груди Мамедова. И ему вспоминались еще в детстве, в школе когда-то заученные строки поэта Мирза-Шафи Вазеха:

Как же кровь в моих жилах не закипит!
Пусть промчится она грозой,
Если плачут очи моей души,
Как фонтан ледяной слезой.
Эту песню я написал, Вазех:
В ней бушуют горе и злость,
Во дворце из пурпурного мака
Сидит невеселый и черный гость.

Черный и грязный гость залез в советский пурпурный дворец. Горе и злость бушуют в душе советского человека. Эта фашистская сволочь позволяет себе презирать не только славян, а весь восток. А турки, азербайджанцы — это для гитлеровцев и не люди даже. Их можно грабить без стеснения. Кстати, это для немцев не ново. Некий немецкий

путешественник Боденштедт сто лет тому назад обокрал Вазеха. Он перевел его стихи, будучи в Тбилиси, на немецкий язык. Стихи, изданные в Германии, имели огромный успех. Выдержали 179 изданий. И тогда Боденштедт выдал их за свои. Грабитель! Ну погоди же, мы отомстим и за Вазеха тоже!

Наступила зима, земля подмерзла, и обстановка возле деревни Пустыньки резко изменилась к худшему для героических защитников советского рубежа. Немцы уже могли пустить в ход танки, провести поближе артиллерию. Наши бойцы по целому ряду неувеличиваемых признаков чувствовали, что обремененный долгим сопротивлением враг готовится к какому-то дикому прыжку. Грозная туча сгущалась над нашими бойцами, готовая вот-вот разразиться молниями взрывов. Но еще тверже, еще суровее, молча, бойцы дожидались немецкой атаки, зарывшись в неприютную, но родную землю.

И вот наступил день 3 декабря. Было холодно. Мела поземка, и ветер, поднимая тучи снежной пыли, делал невидимым то, что творится за кустами, окружающими полянку, на которой утвердилась наша оборона. Едва забрезжил синий зимний рассвет, как немцы обрушились на роту Смолина шквалом артиллерийского и минометного огня. Вскоре стало ясно, что ночью немцам удалось глубоко обойти нашу оборону с тыла, и теперь,

как только прекратился огонь, густые массы их уже показались на опушке. На ходу они стреляли из автоматов и ручных пулеметов.

Мамедов в это время находился как раз в наиболее угрожаемом пункте, в котором был сосредоточен ротный резерв, стояла радиостанция. Тут же находился командир роты Смолин и политрук Смирнов. Добейся немцы тут успеха — это могло сразу привести к крушению всей обороны. Нужно было выбрать надежного человека, которому можно было бы поручить непосредственно защиту этого главного командного пункта всей обороны. Выбор Смолина пал на Мамедова.

Прежде всего надо было ориентироваться в общем ходе сражения, прикинуть численность врага, возможные пути его подходов. Визжали мины, взблески огня полыхали совсем рядом по кругу. Мамедов сразу понял, что силы более чем не равны. В распоряжении Мамедова было всего-навсего одно отделение — 10 человек. Затем в окопах оставались посыльные от других взводов, радисты, всего около двух десятков. Определить численность врага было не легко, хотя ясно было уже одно по всей картине огня, что фашисты обошли полукольцом и двигались сплошной массой.

— Надо пока не обнаруживать себя, — рассказывал впоследствии Мамедов. — Пусть противник считает, что в укрытии всего лишь

несколько человек, и двинется в атаку. Вот тут-то мы с ним и разделаемся, дружным огнем истребим мерзавцев! Мы решили дорого продать свои жизни, но не уступить врагу ни пяди.

Люди, пригнувшись, вошли в ходы сообщения. Мамедов расставил всех по местам. Сам вооружился автоматом.

Рассвело. Стрельба прекратилась. Что же, разве немцы отказались от атаки? Медленно тянется время. Вдруг на опушке подымается до полусотни немцев и с дикими воплями, подбадривая друг друга, устремляются прямо к блиндажу. Зопоча по снегу, пьяные, с ревом, эта банда быстро движется к цели. Но зорко следит за врагом Мамедов, пристроившись у самого входа в блиндаж. Вот немцы в ста метрах, восьмидесяти, пятидесяти. Вот до них осталось всего сорок-пятьдесят шагов. Отчетливо видны очумелые лица, вытаращенные глаза.

— Огонь!

Тр-тр-тр-тр-тр... — стрекочут автоматы. Свистящей стукотней поливает пулемет. Метко бьют наши бойцы. Множество фашистов сразу тыкается сразмаху в снег. Видно, как брызжут алые пятна крови. Не задетые пулями немцы легли тоже. Вот они пытаются незаметно отползать в тыл к своим. Куда там, они слишком близко от советских стрелков! Те бьют их, как волков в засаде. Вся

немчура до одного полегла на ближних подступах к нашим окопам.

Лишь только несколько утих огонь на главном направлении, после разгрома атаки, как со стороны первого и второго взводов на правом фланге донеслась отчаянная пальба. Немцы начали нажимать на нас с фланга. Надо было помочь товарищам. Но едва бойцы Мамедова подымались из своего окопа, как немцы открывали кинжальный огонь из своего станкового пулемета, установленного совсем близко от нас. Что делать? Мамедов открывает фланговый огонь из ручного пулемета по наступающим на этом участке цепям немцев. И это несколько сдерживает их натиск.

Но немцы были разъярены и несколько не собирались оставить в покое самих мамедовцев, так удачно отбивших первую атаку. Над их головами полетели ракеты. Одна, другая. Значит надо ждать нового артиллерийского и минометного обстрела. Ракетами немцы указывают направление огня. Мамедов едва успел приказать своим бойцам лечь в блиндажи, как снова загрохотали снаряды, с воем полетели мины. Настоящий ад разверзся над кучкой храбрецов. Осколки рвались во все стороны, визжали, стукали, ранили людей. Но люди не только не пали духом, а, наоборот, больше загорались и даже шутили. Черные глаза Мамедова сверкали

сдержанным бешенством. Он только и ждал прекращения артиллерийской подготовки и начала новой атаки.

Целый час длилась беспорядочная артиллерийская пальба. Потом начали работать станковые пулеметы и автоматы. И в этом шуме, наконец, снова поднялась вражеская пехота. Немцы снова решили применить „психическую атаку“. Они шли тесными рядами, почти во весь рост, палили на ходу из автоматов и орали так, что заглушали даже треск выстрелов. Эта двигавшаяся стена плевалась огнем, и, казалось, сама смерть надвигалась на окопы. Немцы перешагивали через своих убитых и раненых и перли, и перля вперед.

Хладнокровно, не торопясь, подпускали смелые советские бойцы ненавистных врагов и всаживали пулю за пулей. Черные туши немцев валялись друг на друга. Но вести бой было теперь куда труднее. Среди наших бойцов были уже убитые и раненые. Ровный строй обороны нарушился. Но Мамедов поспевал всюду. Его автомат бил без промаха. В разгаре боя Мамедов с тревогой заметил, что боевые припасы иссякают слишком быстро.

— Между тем немцы, — рассказывает Мамедов, — начали обходить нас с другого фланга и, пользуясь небольшой складкой местности, подобралась к одному нашему ручному пулемету. Признаться, только в этот момент я оце-

нил все огромное значение круговой обороны. Не будь у нас заранее сделанного окопа, позволявшего вести огонь в направлении своего же пулемета, неприятель без труда уничтожил бы всю нашу группу. Но такой окоп у нас был, и его бойцы открыли огонь по обходящему нас противнику. Как ни велики были его потери, но офицеры гнали солдат, не считаясь с этими потерями. И вскоре несколько немцев оказались в двух десятках шагов от нашего пулемета, и наш героический пулеметчик упал навзничь, заживо сожженный химическим огнем. Но борьба продолжалась. Командир отделения сержант Карампов тотчас же встал на его место. С новой силой мы открыли огонь, поддерживая своих боевых друзей. Мы били по кустам, где скапливались фашистские гады. Наконец, крик радости вырвался у меня. Нам удалось продырявить проклятого огнеметчика, отнявшего жизнь у нашего товарища.

Поистине, как львы, дрались советские воины с беспримерным мужеством и воодушевлением. И первым среди них был Мамедов, который бил из оружия и весь горел огнем. Легендарный ашуг и воин азербайджанских сказаний Кер-Оглы так пел о себе:

Я сам — Кер-Оглы, на войне я суров:
Есть много несрубленных ханских голов,
В день битвы считать не привык я врагов,
Где кровь за друзей отдают — это я.

Может быть, эту песню напевал про себя Мамедов, разя без счету вражеские головы.

Если бы в этот час кто-нибудь смог подняться и взглянуть на всю панораму боя, который вели в разных частях обороны бойцы роты Смолина, то он увидел бы, как стойко держатся советские люди. Вот раздался страшный взрыв. Комья мерзлой земли, снега вместе с огнем летят вверх. Снаряд попал в блиндаж, где была радиостанция. Начальник рации был убит на месте. Осколками поврежден передаточно приемочный аппарат. Представьте себе, что должен пережить командир воинской части и радист, у которого враг выбивает из рук единственное средство связи с тылом, со своими частями. Как зеницу ока, берег Кренкель свою радиоаппаратуру на Челюскине и на папанинской льдине; так же берегли и смолинцы свой радиоаппарат. Радист Д. Гормашов, который из винтовки и гранатами наравне с пехотинцами бил по немцам, воспользовался минутной передышкой и ухитрился под огнем исправить рацию. „Ура!“ закричали Гормашов и его товарищи, когда снова заработал радиоаппарат. Рядом с Гормашовым отважно сражался и второй радист — Мозговой. Презирая смерть, он думал только об одном: как истребить немцев, как сохранить свою родную станцию — сердце боя? Над головой со страшным грохотом

рвались орудийные и минометные снаряды. Весь блиндаж содрогался. Вот осколками снаряда сбита антенна. Мозговой под огнем вылезает из блиндажа и, лихорадочно считая секунды, голыми пальцами на морозе соединяет перебитые проволоки. Дважды Мозговой исправлял антенну. Вместе с Мамедовым Мозговой выскакивал из блиндажа, принимая участие в отражении немецких атак.

Сержант Шидловский — старшина роты, оставался один в своей ротной каптерке. Но дрался он за десятерых. Он ни на минуту не терял самообладания. В самые опасные тяжелые моменты то и дело доносился его бодрый голос: „Держитесь стойко, друзья! Отобьем гадов! Не сдавайтесь!“

Когда мамедовцы шли в атаку, подымался из своего укрытия и Шидловский и также грудью со штыком шел на врага.

Положительно вездесущим был и автоматчик Мушаев. Только противник заходит слева, как Мушаев подкрадывается с этой стороны, близко подпускает к себе немцев и метким огнем срезает зарвавшуюся банду. Когда патронов осталось совсем мало, Мушаев дошел до того, что подпускал врага буквально на 15—20 шагов и тогда истреблял всю группу одной очередью.

— Жаль ведь просто на этих псов было лишний патрон тратить, — объяснял он потом смеясь свою удачу.

Широкая русская душа Мушаев и горный орел Мамедов недаром нашли в бою друг друга.

Замечательно в бою действовало все командование роты: командир роты старший лейтенант В. Смолин, политрук Г. Смирнов и заместитель политрука В. Храмцов. Командир роты Смолин с беззаветной храбростью шел вместе со своими красноармейцами в атаку, бросал гранаты, вел бойцов в штыки и лично застрелил трех немцев. Политрук роты Смирнов в рукопашной схватке заколол шестерых немецких солдат. Храмцов не только сам с исключительным напором и меткостью бил из оружия по наступающим цепям фашистов (на его участке легло 87 немцев, из них 17 застрелил сам младший политрук), но и, подобно Мамедову, воодушевлял товарищей боевым призывом. Когда немцы начинали подползать к нашим окопам, тогда гремел голос Храмцова:

— Помните Родину! Громите фашистов, как громили их под Ростовом, подпускайте ближе, бейте наверняка!

После провалившейся третьей атаки враг откатился, пятная кровью снег, до самого леса, находившегося от линии нашей обороны метрах в двухстах.

Наступила тишина. В морозном воздухе доносились лишь стоны раненых немцев, валявшихся перед окопами. „Труп врага

хорошо пахнет, стон врага ласкает слух“, — говорит восточная пословица. Немцы, думая разжалобить, подняли вой. Но когда Мамедов хотел подобраться к брошенному немцами станковому пулемету, а другие бойцы тоже стали собирать трофеи, немцы тотчас шваркнули из пулемета со стороны леса. Прицел они держали на своих же раненых. Фашистская провокация, чудовищная по своей бесчеловечности. Бойцы быстро заняли исходное положение. В то же время оставшиеся несколько человек перевязывали раненых, убирали убитых. Трудно сказать, сколько прошло времени между предыдущей и новой, четвертой, атакой. Время летело сплошным вихрем боя. Люди не замечали ни усталости, ни времени. Им не хотелось есть. Изредка кто-нибудь брал горсть снега и подносил ее ко рту, торопясь снова навести свое оружие в сторону врага. Стало уже снова темно. Короткий зимний день шел к концу. Были на исходе патроны. А если кончатся патроны, тогда смерть. Смерть всем до единого.

В четвертую атаку немцы пошли, уже хорошо прощупав оборону и определив по характеру огня, с кем они имеют дело. Половина советских бойцов уже выбыла из строя. Оставшиеся могли держать куда менее сильный огонь, да еще были вынуждены экономить чуть ли не каждый патрон. Но и в этой обстановке не дрогнул Мамедов.

И в этот критический час у него нашлись слова, воодушевившие и ободрившие его товарищей. В довершение всего отказал ручной пулемет, славный дегтяревский пулемет, из которого бойцы выпустили не одну сотню патронов и загнали на тот свет не один десяток немецких захватчиков, опоганивших нашу землю.

Что же было делать без пулемета. Карамнов, только что самоотверженно сменивший погибшего пулеметчика, взялся за пустую винтовку. Ничего, в крепких руках русская винтовка — грозное оружие! И Карамнов блестяще доказал это. Магазины пистолета-автомата Мамедова опустели тоже.

Но не опустели главные боевые магазины — магазины мужества и стойкости духа советских бойцов. И в этом последнем бою они решили драться до последней капли крови, до последнего патрона включительно. Военский устав обычно не разрешает открывать стрельбу далее 400 метров в целях эффективности огня, экономии патронов. Мамедов в данном случае запретил всем стрельбу на дистанции дальше 50 метров. Бить разрешил Мамедов только наверняка. Надо было иметь совершенно исключительное мужество и самообладание, чтобы на этой последней грани неравного боя рассчитать свои силы, так умело распорядиться ими. И вот здесь-то

и проявились необычайные личные свойства Мамедова как бойца.

Ничего, что отказал пулемет. Найдутся огневые средства и другие. В окопе среди бойцов лежали раненые. Мамедову приходит в голову идея использовать даже их слабые силы для продолжения боя. Он организует из раненых, могущих еще держаться, конвейер. Раненые оружие заряжают — здоровые стреляют. Радист Мозговой, связисты, посыльные других взводов пристроились к Мамедову. Мамедов подпускает проклятую фашистскую банду поближе, хладнокровно целится, дает очередь из своего пистолета-автомата. Немцы падают, и в ту минуту, пока у них происходит замешательство, Мамедов успевает бросить пустой диск, взять в руки заряженную винтовку, которую ему передают раненые товарищи. Из винтовки Мамедов бьет без промаха, по-снайперски. Берегись попасться ему на мушку! Жарко и скоро кипит боевая работа. „Есть упоение в бою“, — говорит Пушкин. Вот это упоение боем владело в тот час Мамедовым и его товарищами. Еще минуту тому назад с мольбой и страхом заглядывали раненые своему командиру в глаза: что же будет, неужели немцы одолеют и всем нам смерть? Сейчас же все увлечены и воодушевлены. Без стога, сжав зубы, героически трудятся все. С надеждой они глядят на Мамедова. Этот

не сдаст. Этот не выдаст. Он распахнул ватник. Движения его быстры и в то же время точны, спокойны. Орел, настоящий орел!

„Немцы, видя, что наш огонь все же куда слабее, чем предыдущий, спяну совершенно обнаглели. Они лезли, не применяясь к местности, считая нас уже у себя в кармане“. „Рус, сдавайсь!“ „Чорта с два“, — думали про себя бойцы. Наконец, немецкая лава, теряя убитых, подошла вплотную к нашим окопам. Этого момента ждал Мамедов. Как только враг приблизился на расстояние действия нашей „карманной артиллерии“, дружно, по сигналу Мамедова, в лаву полетели десятки гранат. Раздались оглушительные взрывы. Немцы заметались, множество их повалилось на снег и на трупы ранее убитых. И когда поредевшие шеренги врага на секунду дрогнули, в этот миг Мамедов выскочил из окопа и скомандовал: „За мной, бойцы, бейте фашистских собак! Бей фашистских гадов!“ и запел боевую песню азербайджанских богатырей.

Никто не подумал о том, что из советского отряда остались не ранеными всего шесть человек. И эти шесть человек пошли в штыковую атаку против целой немецкой лавы. Но их боевой порыв был так силен, ненависть к немецкому зверью так клокотала в их груди, так неукротимо они шли в бой

за Родину, за Сталина, что эти шесть человек смяли и обратили в бегство всю немецкую колонну. Десять немцев были тут же заколоты на месте. Винтовка Мамедова, вооруженная на конце широким и острым ножом, поблескивала в наступивших сумерках в его руках, точно темная молния. Мамедов ринулся в самую гущу немцев. Он действовал так яростно и быстро, что один пробил и повалил своим штыком три немецких туши. Немногие оставшиеся в живых обратились в бегство.

Ночь спустилась на землю. Десятичасовой непрерывный бой был окончен. Советские люди вышли победителями. Радость светилась в их глазах. Люди были готовы броситься обнимать друг друга. Кое-кто смахивал украдкой слезинку счастья. Даже тяжело раненные, забыв свои боли, громко выражали радость. Всем хотелось, чтобы Мамедов лично рассказал им, как была отбита последняя атака.

Но впереди была еще гора боевых трудов. Враг был еще недалеко, в лесу. Надо было еще быть на-чеку. Надо было отвести своих раненых в тыл, получить подкрепление людьми и боеприпасами. Надо было собрать трофеи. Наконец, чорт возьми, надо же было теперь и вкусно пообедать. „Дела, дела,—как любил шутить один из связистов,—с этими делами я шамовку-то свою совсем запустил“.

Командование вызвало Мамедова доложить обстановку.

— Младший лейтенант Мамедов! Вы действовали отлично! Теперь вам придется сейчас же отправиться на выполнение другого ответственного задания.

— Есть отправиться на выполнение нового задания!—весело ответил Мамедов. Он повернулся на каблуках, и ночная тьма поглотила его.

Только наутро выяснилась вся картина боя. Оказывается, целых два батальона наступали против горстки советских храбрецов. Товарищи Мамедова подсчитали, что на поле боя они положили более 300 человек. 300 мерзавцев, 300 насильников, 300 людоедов и мародеров уничтожили 3 декабря славные бойцы отряда Мамедова. Слава им и горячая благодарность всего советского народа! Товарищи Мамедова подсчитали, что в его секторе обстрела, кроме трех, заколотых штыком, валялось 70 трупов, причем три офицерских. Слава Мамедову! Слава и вечная благодарность всего советского народа! Он дрался, как легендарный народный богатырь. Сам народ-великан владел его рукой.

Подвиг Мамедова и его товарищей многому учит нас всех. Прежде всего учит нас тому, что сила сопротивления нашего может быть поистине безгранична. Товарищ

Сталин говорил в своей речи, посвященной XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, „что в огне отечественной войны куются и уже выковались новые советские бойцы... которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии“. „Не может быть сомнения,—говорил также товарищ Сталин,—что идея защиты своего отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию...“

Под Новгородом Мамедов защищал свой Шамхор. Идея защиты нашего великого отечества, пламенный патриотизм, горячая ненависть к немецким захватчикам—вот та внутренняя сила, которая гордо держала Мамедова. Надо было уметь обращаться с оружием. Подвиг Мамедова и его товарищей учит нас, что не менее важно управлять своими нервами. Рука стреляет потому, что заряжен дух. А этот великий, героический заряд советский человек черпает в народе, в партии, в учении Ленина—Сталина, в своей любви к Родине. Ничто не сможет сломить уверенного в своей правоте, в святости своих целей стойкости решительного советского человека.

15 декабря, когда в торжественной обстановке в Военном совете Северно-Западного фронта состоялось вручение награды И. Маме-

дову, командующий фронтом спросил двадцатидвухлетнего героя: а что было бы, если бы в момент начала немецкой атаки кто-либо дрогнул из вас, решил бы отступить? Мамедов, не задумавшись, ответил:

— Никто бы в живых не остался, и враг бы завладел нашими позициями.

— Вот вам мой пистолет-автомат,—сказал командующий фронтом, восхищенный орлиной выправкой и непоколебимым мужеством Мамедова.—Этим оружием вы владеете мастерски. Продолжайте также и впредь метко истреблять фашистских гадов.

— Пока я буду жив, я буду бить фашистскую сволочь до полного ее истребления!—по-военному ответил Мамедов.

Подвиг Мамедова показывает нам воочию, как воодушевляет и окрыляет бойцов пример героя. Раненые заряжали оружие Мамедову. Но Мамедов раньше заряжал их души, заряжал необычайной силой воли и уверенностью.

В старинной азербайджанской песне поется:

Знай, семьдесят и семь друзей
На трудный час в Кер-Оглы—
Демирчи-Оглы. Бала Ахмет
Иса, Эйваз у Кер-Оглы.

На трудный час были у Мамедова друзья, как были они у его легендарного прадеда, у Кер-Оглы. Были у Мамедова друзья: и

Смолин, и Смирнов, и Храмцов, и Мушаев, и Мозговой, и Кузинский, и Воронин. А понадобилось — нашлось бы и семьдесят миллионов друзей. Боевые, героические подвиги друзей Мамедова также высоко были оценены Верховным Советом Советского Союза: командир роты Смолин был награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени были награждены Смирнов, Храмцов, Кузинский, Красной Звезды — Гормашов, Мозговой и Шидловский, медалью „За отвагу“ — красноармейцы-автоматчики Мушаев, Карамнов, Васильев и другие.

Шамхор и Новгород — братья, Шамхор и Новгород — друзья! Азербайджанский народ гордится Щорсом, как своей родной славой. Русский народ будет гордиться Мамедовым, как сыном своим.

Окончится победой великая Отечественная война. Не век быть войне. Пройдут годы. Сгладятся и забудутся тяжкие раны, причиненные ею. Но никогда не забудутся имена тех мужественных советских людей, которые великим боевым трудом и кровью своей завоевали нам и будущим поколениям мир и свободу. Среди этих имен золотой звездой будет гореть имя Исрафуила Мамедова. И, может быть, новый ашуг на колхозном празднике сбора винограда ударит по струнам саза и запоеет о Мамедове, как некогда пел сам Кер-Оглы перед сражением:

Храбрые в день испытания тверды быть должны,
Разорить очаг беды должны,
Доблестями быть украшены должны!
Собственной кровью быть окрашены должны.

Да, только так придет победа! Слава храброму Исрафуилу Мамедову, бойцу твердейшему из твердых в нашу годину великих испытаний!

Редактор **А. Котов**.

Подписано к печати 21 февраля 1942 г. А-65226. 1 печ. л.
Тираж 25000. Заказ № 1640. Цена 30 коп.

Филиал 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста
«Полиграфкнига». Свердловск, ул. Ленина, 47.

30 መ.መ.